

Б.Л. Горбатов (1908—1954)

Письма к товарищу. О жизни и смерти

1

Товарищ! Сейчас нам прочитали приказ: с рассветом – бой. Семь часов осталось до рассвета.

Теперь ночь, дальнейшее мерцание звезд и тишина; смолк артиллерийский гром, забылся коротким сном сосед, где-то в углу чуть слышно поет зуммер, что-то шепчет связист...

Есть такие минуты особенной тишины, их никогда не забыть!

Помнишь ночь на 17 сентября 1939 года? В пять ноль-ноль мы перешли границу и вошли в фольварк Кобыля Голова. Тишина удивила и даже обидела нас. Только цокот копыт наших коней да стук наших сердец. Мы не такой ждали встречи!

Но изо всех окон на нас молча глядели сияющие радостью глаза, из всех дверей к нам тянулись дрожащие от волнения руки... И я нет, этого не рассказать! Этого не забыть – тишины переполненных счастьем душ.

А полдень 13 марта 1940 года? В двенадцать часов дня разом смолкли все пушки, гаубицы и на всем карельском перешейке вдруг воцарилась тишина – незабываемая, прочная тишина победы. И мы услышали тогда, как звенит лед на Вуокси-Вирта, как шумит ветвями красавец лес, как стучит о сосну дятел, – раньше мы ничего не слышали из-за канонады.

Когда-нибудь буду вспоминать я и сегодняшнюю ночь, ночь на 30 октября 1941 года. Как дрожали, точно озябшие, звезды. Как ворочался во сне сосед. А над холмами, окопами, огненными позициями стояла тишина, грозная, пороховая тишина. Тишина перед боем.

А я лежал в окопе, прикрывая фонарик полою мокрой шинели, писал себе письмо и думал... И так же, как я, миллионы бойцов, от Северного Ледовитого океана до Черного моря, лежали в эту ночь на осенней, жухлым листом покрытой земле, ждали рассвета и боя и думали о жизни и смерти, о своей судьбе.

2

Товарищ!

Очень хочется жить.

Жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой.

Но не всякой жизнью хочу я жить, не на всякую жизнь согласен.

Вчера приполз к нам в окоп человек «с того берега» – ушел от немцев. Приполз на распухших ногах, на изодранных в кровь локтях. Увидев нас, своих, заплакал. Все жал руки, все обнять хотел. И лицо его прыгало, и губы прыгали тоже.....

Мы отдали ему свой хлеб, свое сало и свой табак. И, когда человек насытился и успокоился, он рассказал нам о фашистах: о насилиях, пытках, грабежах. И кровь закипала у бойцов, слушавших его, и жарко стучало сердце.

А я глядел на спину этого человека. Только на спину. Глядел не отрываясь. Страшнее всяких рассказов была эта спина.

Всего полтора месяца прожил этот человек под властью врага, а спина его согнулась. словно хребет ему переломали. словно все полтора месяца ходил он кланяясь, извиваясь, вздрагивая всей спиной в ожидании удара. Это была спина подневольного человека. Это была спина раба.

– Выпрямься! – хотелось закричать ему. – Эй, разверни плечи, товарищ! Ты среди своих.

Вот когда увидел я, с последней ясностью увидел, что несет мне фашизм: жизнь с переломленной, покоренной спиной.

Товарищ! Пять часов осталось до рассвета. Через пять часов я пойду в бой. Не за этот серенький холм, что впереди, буду я драться с врагом. Из-за большего идет драка. Решается: кто будет хозяином моей судьбы – я или он.

До сих пор я, ты, каждый был сам хозяином своей судьбы. Мы избрали себе труд по призванию, профессию по душе, подругу по сердцу. Свободные люди на свободной земле, мы смело глядели в завтра. Вся страна была нашей Родиной, в каждом доме товарищи. Любая профессия была почетна, труд был делом доблести и славы. Ты знал: каждая новая тонна угля, добытая тобой в шахте, принесет тебе славу, почет, награду. Каждый центнер хлеба, добытый тобой на колхозном поле, умножит твоё богатство, богатство твоей семьи. Но вот придет враг. Он станет хозяином твоей судьбы. Он растопчет твоё сегодня и украдет твоё завтра. Он будет властвовать над твоей жизнью, над твоим домом, над твоей семьей. Он может лишить тебя дома – и ты уйдешь, сгорбив спину, в дождь, в непогоду, из родного дома. Он может лишить тебя жизни, – и ты, пристреленный где-нибудь у забора, так и застынешь в грязи, никем не похороненный. Он может и сохранить тебе жизнь, ему рабочий скот нужен, – и он сделает тебя рабом с переломанным, покорным хребтом. Ты добудешь центнер хлеба, – он заберет его, тебя оставит голодным. Ты вырубешь тонну угля – он заберет ее да еще обругает: «Русская свинья, ты работаешь плохо!» Ты всегда останешься для него русским Иваном, низшим существом, быдлом. Он заставит тебя забыть язык твоих отцов, язык, которым ты мыслил, мечтал, на котором признавался в любви невесте. Он заставит тебя выучиться немецкой речи, и будет смеяться, слушая, как ты коверкаешь чужой язык.

Все мечты твои он растопчет, все надежды оплюет. Ты мечтал, что сынишка твой, выросши, станет ученым, инженером, славным человеком на земле, – но фашисту не нужны русские ученые, он своих сгноил в собачьих лагерях. Ему нужен тупой рабочий скот, – и он погонит твоего сына в ярмо, разом лишив его и детства, и юности, и будущего.

Ты берег, лелеял свою красавицу дочку. Сколько раз, бывало, склонялся ты вместе с женой над беленькой кроваткой Маринки и мечтал о ее счастье. Но фашисту не нужны чистые русские девушки. В публичный дом, на потеху разнузданной солдатне, швырнет он твою гордость – Маринку, отличницу, красавицу...

Ты гордился своей женой. Первой девушкой была у нас на руднике Оксана! Тебе завидовали все. Но в рабстве люди не хорошеют, не молодеют. Быстро станет старухой твоя Оксана. Старухой с согбенной спиной.

Ты чтил своих дорогих стариков – отца и мать, – они тебя выкормили. Страна помогла тебе устроить им почетную старость. Но фашисту не нужны старые русские люди. Они не имеют цены рабочего скота, – и он не даст тебе для твоих стариков ни грамма из центнеров хлеба, добытых твоей же рукой...

Может быть, ты все это вынесешь, может, не сдохнешь, отупев, смиришься, будешь влачить слепую, голодную безотрадную жизнь? Нет, лучше штык в глотку, чем ярмо на шею! Нет, лучше умереть героем, чем жить рабом! Товарищ! Три часа осталось до рассвета. Судьба моя в моих руках. На острие штыка моя судьба, а с нею и судьба моей семьи, моей страны, моего народа.

3

Товарищ!

Сегодня днем мы расстреляли Антона Чувырина, бойца третьей роты. Полк стоял большим квадратом; небо было по-осеннему сурово, и желтый лист, дрожа, падал в грязь, и строй наш был недвижим, никто не шелохнулся. Он стоял перед нами с руками за спиной, в шинели без ремня, жалкий трус, предатель, дезертир, Антон Чувырин, его глаза подло бегали по сторонам, нам в глаза не глядели. Он нас боялся, товарищ. Ведь это он нас предал. Хотел ли он победы фашистов? Нет, нет, конечно, как всякий русский человек. Но у него была душа зайца, а сердце хорька. Он тоже, вероятно, размышлял о жизни и смерти, о своей судьбе. И свою судьбу рассудил так: «Моя судьба – в моей шкуре».

Ему казалось, что он рассуждает хитро: «Наша возьмет – прекрасно. А я как раз и шкуру сберегу. Враг одолеет – ну что же, пойду в рабы к немцу. Опять моя шкура при мне».

Он хотел отсидеться, убежать от войны, будто можно от войны спрятаться. Он хотел, чтобы за него, за его судьбу дрались и умирали товарищи.

Эх, просчитался ты, Антон Чувырин! Никто за тебя драться не станет. Здесь каждый дерется за себя и за Родину! За свою семью и за Родину! За свою судьбу и за судьбу Родины! Не отдерешь, слышишь, не отдерешь нас от Родины: кровью, сердцем, мясом приросли мы к ней. Ее судьба – наша судьба, ее гибель – наша гибель. Ее победа – наша победа.

И, когда мы победим, мы каждого спросим: что ты для победы сделал?

Мы ничего не забудем! Мы никого не простим!

Вот он лежит в бурьяне, Антон Проклятый, – человек, сам оторвавший себя от Родины в грозный для нее час. Он берег свою шкуру для рабской жизни – и нашел собачью смерть.

А мы проходим мимо поротно, железным шагом. Проходим мимо, не глядя, не жалея. С рассветом пойдем в бой. В штыки. Будем драться, жизни своей не щадя, может, умрем. Но никто не скажет о нас, что мы струсили, что шкура наша была нам дороже Отчизны.

4

Товарищ!

Два часа осталось до рассвета. Давай помечтаем.

Я гляжу сквозь ночь глазами человека, которому близостью боя и смерти дано далеко видеть. Через многие ночи, дни, месяцы гляжу я вперед, и там, за горами горя, вижу нашу победу. Мы добудем ее! Через потоки крови, через муки и страдания, через грязь и ужас войны мы придем к ней. К полной и окончательной победе над врагом! Мы ее выстрадали, мы ее завоюем.

Вспомни предвоенные годы. Над всем нашим поколением вечно висел меч войны. Мы жили, трудились, ласкали жен, растили детей, но ни на минуту не

забывали: там, за нашей границей, сопит, ворочается злобный зверь. Война была нашим соседом. Дыхание гада отравляло нам и труд, и жизнь, и любовь. И мы спали тревожно. На дно сундуков не прятали старой шинели. Ждали. Враг напал на нас. Вот он на нашей земле. Идет страшный бой. Не на жизнь – на смерть. Теперь нет компромиссов. Нет выбора. Задушить, уничтожить, раз навсегда покончить с гитлеровским зверем! И когда свалится в могилу последний фашист и когда смолкнет последний залп гаубиц, – как дурной сон развеется коричневый кошмар, и наступит тишина, величественная, прочная тишина победы. И мы услышим, товарищ, как облегченно, радостно вздохнет весь мир, все человечество.

Мы войдем в города и села, освобожденные от врага, и нас встретит торжественная тишина, тишина переполненных счастьем душ. А потом задымят восстановленные заводы, забурлит жизнь... Замечательная жизнь, товарищ! Жизнь на свободной земле, в братстве со всеми народами. За такую жизнь и умереть не много. Это не смерть, а бессмертие.

5

Светает...

По земле побежали робкие серые тени. Никогда еще не казалась мне жизнь такой прекрасной, как в этот предрассветный час. Гляди, как похорошела донецкая степь, как заиграли под лучами солнца меловые горы, стали серебряными.

Да, очень хочется жить. Увидеть победу. Прижать к шершавой шинели кудрявую головку дочери.

Я очень люблю жизнь – и потому иду сейчас в бой. Я иду в бой за жизнь. За настоящую, а не рабскую жизнь, товарищ! За счастье моих детей. За счастье моей Родины. За мое счастье. Я люблю жизнь, но щадить ее не буду. Я люблю жизнь, но смерти не испугаюсь. Жить, как воин, и умереть, как воин, – вот как я понимаю жизнь.

Рассвет...

Загрохотали гаубицы. Артподготовка.

Сейчас и мы пойдем.

Товарищ!

Над Родной донецкой степью встает солнце. Солнце боя. Под его лучами я торжественно клянусь тебе, товарищ! Я не дрогну в бою! Раненый – не уйду из строя. Окруженный врагами – не сдамся. Нет в моем сердце сейчас ни страха, ни смятения, ни жалости к врагу – только ненависть. Лютая ненависть. Сердце жжет...

Это – наш смертный бой.

Иду.

Правда. 1942. 17 ноября